

I. Русские европейцы (3)

Владимир Кантор

Отец Александр Мень как явление

Говоря об отце Александре, мы поневоле входим в более широкий исторический контекст, чем жизнь данного человека, поскольку протоиерей Мень сам жил в этом «большом времени» (термин Бахтина). Тут надо добавить, что, несмотря на бесконечные перемены последних десятилетий, Россия остается равна себе. Самый решительный прорыв, выводящий страну из ситуации внеисторического существования, совершил Петр Великий. Тут, разумеется, и Екатерина Великая, и Александр Освободитель – три фигуры, прокладывавшие европейский путь для России. Но начало – Петр.

За это, кстати, бранил его Шпенглер, писавший о «псевдоморфозе» Петра, «втиснувшего примитивную русскую душу» в чуждые ей европейские формы. И далее каркнул как ворон, что «примитивный московский царизм – это единственная форма, которая впору русскости еще и сегодня». Впрочем, писалось это уже после победы большевиков, совершивших антипетровский переворот, символически подкрепив его перенесением столицы в Москву.

Я бы поэтому говорил не о равенстве себе, а о своего рода маятнике, амплитуда которого слишком велика. Хотя Французская революция тоже была своего рода возвратом в варварство, начиная от гильотины, уничтожения высшего сословия (хоть и не в российских безмерных масштабах) и, главное, уничтожение священников, отказ от христианской парадигмы. Русские революционеры отчасти подражали французским якобинцам, но шагнули в пропасть много решительнее – в «преисподнюю небытия», как называл эту пропасть Степун.

Петра бранят за уничтожение патриаршества, но даже Хомяков снял с него это обвинение, заметив, независимость церкви была «уже уничтожена переселением внутрь государства патриаршего престола», который был независим в Константинополе, но не мог быть свободным в Москве. Сам же Петр, конечно, был фигурой, несшей в себе основные христианские инициативы, что так тонко описал Пушкин:

Тогда-то *свыше вдохновенный*
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,

Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза¹.

Заметим, что Петр разрешил построение католических и протестантских храмов в России. К сожалению, русские самодержцы после Петра не несли в себе этой религиозной харизмы, более того, после знаменитой формулы «православие, самодержавие, народность» по сути выступили против надконфессиональной роли государства и окончательно превратили Церковь в один из департаментов государства. Тут, конечно, стоит отметить, что даже такой мощный реформатор как Столыпин не решался уничтожить Синод, понимая, что в России существует не одна православная церковь, а много конфессий, да и других религий. Поэтому ему как человеку, пытавшемуся разрешить многие проблемы одновременно, не хотелось давать преобладание одной конфессии.

Но тем не менее свобода Церкви была необходима как воздух, и все начало XX века православная церковь пыталась отвоевать себе пространство свободы по отношению к власти. Увы, противостоять государству церковь так и не сумела. И в конечном счете крушение империи ударило и по церкви. Как пишет американский исследователь Джеймс Каннингем: «Церковь была неспособна спасти царство и династию от врагов, то есть выполнить свою историческую миссию»². В чем же причина (помимо исторической традиции) по мнению исследователя? Он пишет: «Государство боялось в Церкви, как и в других областях политической и общественной жизни, открытого форума, оно боялось, что Церковь может выступить против правительства»³. Как увидим, этот страх был присущ и советскому и постсоветскому государству, всегда боявшемуся открытого форума, а главное – значительных людей. Это страшным образом сказалось и на судьбе отца Александра.

Пока Бог в советское время писался с маленькой буквы, то советский читатель мог воспринимать фразу поэта о Петре как старинную манеру выражения, но для Пушкина это было очень серьезно. Преисподняя небытия означала не только истребление русских мыслителей и писателей, но массовые расстрелы священников, чтобы не было возврата к христианству, которое, худо ли, хорошо ли, но устанавливало и поддерживало нормы нравственной жизни. Понемногу возрождавшаяся в хрущевское время интеллигенция снова искала этих норм, чтобы можно было противопоставить их людоедству сталинского режима. И, конечно же, это должны были быть не «ленинские нормы партийной жизни», ибо «крас-

¹ Курсив мой – В.К.

² Каннингем Д. В. С надеждой на собор: русское религиозное пробуждение начала века. Л., 1990. С. 304.

³ Там же. С. 308.

ный террор» (скажем, «харьковские и кубанские застенки, холмогорский "лагерь смерти"»⁴, по определению С.П. Мельгунова), расстрелы заложников были организованы по распоряжению и с благословения Ленина.

В августе 1920 г. Ленин писал Склянскому: «Под видом "зелёных" (мы потом на них свалим) пройдем на 10-20 вёрст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100.000 р. за повешенного»⁵. Казни священников были чудовищны: их сажали на кол, распинали, топили, закапывали живыми в землю. За десять лет, примерно, с 1918 года было уничтожено около сорока тысяч священников. Задача большевиков, которую они не скрывали, была уничтожить веру в Бога, а для этого, как важный элемент этого действия, уничтожить храмы и священнослужителей. В результате они добились очень многого. Сервильность русского православного клира, затравленного до ужаса, увеличилась в разы, думали в основном о выживании, а не о Боге.

Россия, так или иначе, вписана в парадигму христианской цивилизации и вне христианства, пусть секуляризованного, развиваться цивилизованно не может. Сегодня молодым людям трудно это представить, но Библия в советское время была абсолютно недоступна для чтения, если не хранилась в семейной библиотеке. Но был еще ход, этим ходом я как раз и прошел. Для меня учителями христианства стали русские писатели. Священникам я не доверял, зная их сервильность сталинского периода.

Пока в конце семидесятых не познакомился с отцом Александром Менем, человеком абсолютно свободным, интеллектуалом, при этом православным священником⁶. Познакомился я с ним у нашего общего приятеля Льва Турчинского, собравшего самую полную библиотеку русской поэзии начала века. И тогда, к своему стыду, я впервые услышал о катакомбной церкви, независимой, существовавшей вопреки всем советским жестокостям, ее-то воспитанником и оказался отец Александр. Мы как-то сдвинулись на край стола и проговорили несколько часов. Причем я услышал и его рассказ о юности, о том, что все свои последующие идеи он в семнадцать лет записал в школьную тетрадку.

Надо сказать, эта школьная тетрадка, где, по словам отца Александра, он записал свои основные идеи, а потом всю жизнь просто их развертывал, запала мне в сознание. Он был ровно на десять лет старше меня. А когда тебе тридцать с небольшим, то человек старше на десять лет, особенно уважаемый, воспринимается как тот, кого хочется слушать, и информацию впитывать и переваривать. Я тут же задумался, а есть ли у меня такая тетрадка, где были бы записаны основные идеи моей будущей деятельности? Да, были тетрадки с неоконченными повестями и рассказами, мне казалось тогда, что я нашел свое понимание того, как я

⁴ Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С. 191.

⁵ Литвин Л. А. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. Казань, 1995. С. 63.

⁶ Тут надо добавить, что (и это естественно, поскольку я лично знал отца Александра) общие рассуждения с необходимостью будут перебиваться личными воспоминаниями.

должен писать, даже термин где-то вычитал и пытался к себе применить, – «субъективная эпопея». То, что я хотел писать.

Но отец Александр в голове ворочал почти мирозданием, я же в тот момент считал, что это дело давно прошедших лет, когда жил Соловьев, Бердяев, Франк, Федотов. С дочерью Франка мне к тому времени посчастливилось пообщаться, она даже мне подарила первый мюнхенский сборник о нем 1954 года. Но все это было *тогда*, все эти попытки философически противопоставить христианство тоталитаризму, а тут вдруг твой современник спокойно рассуждает на таком же уровне, а главное, всерьез, как над делом своей жизни, а не по-студенчески, по-аспирантски. Не просто пересказывает чьи-то взгляды, а пытается понять структуру мысли своих предшественников и идти дальше.

Это поражало, и это придавало энергии самостоятельности. Среди прочего я отцу Александру благодарен за это, за то, что разбудил желание самому, по-своему смотреть на мир, перестать быть духовно маленьким. Это был важный для меня вечер. При этом мы сидели за столом у Льва Турчинского на Сходне, выпивали, закусывали. Лев даже нас сфотографировал – так мы увлеклись беседой.

Но вот, что поразительно. Отец Александр был из еврейской семьи, ставшей истинно христианской, то есть это культурный факт, о котором писал Владимир Соловьев, как о важном моменте в развитии христианства. Но, значит, были смелые, раз ушли в катакомбную церковь. Эта смелость была и в отце Александре, так мне казалось.

Мой покойный друг Володя Кормер в романе *Наследство* описал отца Ивана, служителя катакомбной церкви. Роман этот он раздал нескольким друзьям на случай обыска, чтобы хоть у кого-то этот текст сохранился. С 1975 года рукопись романа несколько лет лежала у меня дома. В романе, кстати, один из персонажей, отец Владимир, у которого в его маленьком домике при церкви в Новой деревне висел портрет Владимира Соловьева, был списан с отца Александра. Уже позже, попав в этот домик, я оценил писательскую точность и зоркость Кормера.

Приведу его описание, чтобы не повторять уже написанного: «На столе стояла пишущая машинка, накрытая вышитой салфеткой, полка с книгами (были видны несколько роскошно переплетенных красных томов *Добротолубия*), проигрыватель, маленький приемник, какие-то бронзовые вещицы, подсвечник, череп, в середине на полке выделялась голова Данте из черного металла или тонированного гипса. На этой же стене, над столом и вокруг, висели большое резное распятие, фотографии и картины в рамочках: два или три портрета Владимира Соловьева, репродукция с картины Нестерова *Философы*, изображающая Сергия Булгакова еще в пиджаке и плаще и Флоренского в рясе, а также бесчисленные портреты каких-то неизвестных седобородых монахов, старух монахинь и священников. По левую руку от стола в торцовой стене пристройки было окно, задернутое легкими шторками с современным веселеньким абстрактным геометрическим рисунком, и дальше в углу – киот и складной аналой с большой Биб-

лией, заложенной широкими лентами. Иконы, в основном старые, без окладов, развешены были также и над окном, и на другой стене, слева, возле стеллажа с книгами. Уставленные ровно, корешок к корешку, книги выдавали библиофильские наклонности хозяина».

В те ранние (для меня) годы я знакомился и с отцом Александром, и с героями катакомбной церкви сквозь призму литературы. В романе был описан герой катакомбной церкви отец Иван. К тому моменту я вроде бы уже выбирался из марксистско-советской парадигмы, опять же с помощью литературы – Достоевского. Но увидеть въявь существующих людей из другого мира, я бы даже сказал, другого измерения, не живущих по нормам советского общества, в силу этого казавшихся совершенно свободными, придавало некую бинокулярность взгляду на мир.

История отца Александра, да и вообще история, всегда ухитрялась подминать массу, волочь ее за собой, но всегда были люди, шедшие наперекор потоку, наперекор мейнстриму, и поразительно, что именно они-то и остались в истории. Поразительно, что евреи почти всегда оказывались на острие этих процессов, при всех своих комплексах. Они были среди большевиков, но именно они сумели наиболее полно выразить неприятие нового мира. Достаточно вспомнить Мандельштама.

Как справедливо написал Ив Амман, у крестившихся в девятнадцатом веке евреев, очевидно, был комплекс, что они примыкают к определяющему жизнь большинству. Хотя Владимира Соловьева очень радовало это обращение евреев в христианство. Но в годы советского террора это соображение не могло действовать, тем более, что речь шла о гонимой, «катакомбной» церкви. После падения советской власти и крушения идеологии власть судорожно начала искать новую, или хотя бы эрзац-идеологию. Поначалу на эту роль предложило себя евразийство. Но оно годилось для элиты, для широких слоев народа евразийство выглядело невнятицей. И тогда вернулись к привычному – к православию. Но это место, если говорить о свободном и новом православном взгляде на мир, было занято.

Был отец Александр Мень, окружающие его церковные слои, идеология катакомбной церкви. Казалось бы, власти было на кого опереться. Но в России во все времена власть не любила мыслящих независимо людей, предпочитая холуев. Если уж даже в политике царь сдал нужного государству Столыпина, то что говорить о духовной жизни.

Помню, как в патриотических листках конца 80-х, когда православие уже принималось властью как замена коммунистической идеологии, звучало раздражение, что отец Александр Мень не имеет права быть православным священником, поскольку он – еврей. Все это напоминало нацистскую идею о борьбе арийского Христа с иудейским Моисеем. Но нацисты преследовали, тем не менее, и евреев и христиан, достаточно взглянуть на списки уничтоженных священников в нацистских лагерях. Поэтому справедливо написал еще в годы нацистских гонений

Семен Франк: «Мы с Ним, как вечно гонимым...». Идея арийского Христа в послевоенной Германии стала смотреться как варварство.

Более того, после крушения нацизма встал вполне теологический вопрос, а можно ли верить в Бога, который допустил Бухенвальд и Аушвиц? Эта мысль пронизала не только теологов, а всех немецких интеллектуалов. Приведу только одну цитату из пьесы гениального юноши Вольфганга Борхерта, умершего в 1947 году (отцу Александру 12 лет). В радиопьесе *Draußen vor der Tür* один из персонажей, сам Господь Бог говорит о себе: «Ich bin der Gott, an den keiner mehr glaubt. Und ich kann es nicht ändern»⁷.

В Советском Союзе, или, сужая пространство, в Советской России, с верой в христианского Бога обстояло еще хуже. Бог был просто запрещен, поэтому во всех несчастях и бедах истории Его даже не винили, поскольку для большинства Его просто не было. В Германии после войны появилась свобода, и вернулось представление о теодицее. В России не было свободы ни до, ни после войны, а те просветы свободы, которые возникали время от времени (скажем, хрущевская оттепель), не давали времени, чтобы даже мыслящие люди могли подняться до того духовного уровня, с которого начинается не бытовое, а духовное христианство. Да и бытовое православие было у стариков только, да к тому же из простонародья. Моя бабушка, мать моей мамы, всю жизнь проработала сельской учительницей, потом жила на окраине Москвы. Я проводил у нее недели, и отчетливо помню постоянно горевшую лампадку, в углу над ее постелью.

Почти сразу после убийства отца Александра пафос его жизни и деяния определил Сергей Аверинцев (и лучше него это никто не сделал). Для начала он определил духовную ситуацию перед появлением отца Александра: «Были светильники, не угасавшие и под спудом, но под спудом они оставались. Был подвиг, подвиг молитвенный, подвиг страдания. Были прекрасные духовные руководители для очень сплоченного, но и неизбежно замкнутого, все более немногочисленного круга верных. Но миссионерство, но проповедь, расширяющая круг своего воздействия, обращающаяся к обществу, каково оно есть, к выпускникам советских школ и вузов, – помилуйте, о чем вы говорите?.. Вы что, не понимаете, что этого не может быть, просто потому, что этого быть не может?.. Все вокруг согласилось, что невозможное невозможно. Это было так ясно. Этому выучил страшный опыт»⁸.

Далее возникает подвиг культурного героя, выводящего свой народ из тьмы невежества. Опять сошлюсь на слова Аверинцева: «И вот один человек отказался принять невозможность невозможного. Перед ним были советские люди – какие есть. [...] На каком острове, на каких неведомых широтах и долготах какой миссионер находил племя, столь неподготовленное к восприятию христианского благовестия? [...] Он чувствовал всем своим существом: что церковь предназна-

⁷ «Я Бог, в которого уже никто не верит. И я не могу этого изменить».

⁸ Аверинцев С. Миссионер для племени интеллигентов // Литературная газета. 4 сентября 1991.

чена своим Основателем для спасения людей, реальных людей. Людей каждого времени, каждого поколения. И дело было сделано (в самой широкой перспективе не им одним, но на огромном и очень трудном участке работы – так и одним): расточился обман, внушавший, будто Христос остался позади нас – в прошлом, может быть, враждебном, может быть, милым, но во всяком случае, чуждом, навивном, невозвратном, уходящем все дальше и дальше. О нет, Он с нами – в настоящем. И Он ждет нас – впереди, в будущем»⁹.

Как воспитался такой характер, как у отца Александра: – при полной политической лояльности к существующей власти очевидная духовная несломленность и сопротивление? Он сразу после рождения в 1935 году был крещен священником катакомбной церкви о. Серафимом Батюковым. Надо сказать, что священники катакомбной церкви преследовались, скрывались и тайно жили в домах своих прихожан, очень часто арестовывались и отправлялись в ГУЛАГ. Воистину это была гонимая Церковь, как в древнем Риме. Именно отец Серафим посоветовал матери отца Александра приобрести дом недалеко от Загорска, в полной уверенности, что от нацистского нашествия это место защитит преподобный Сергей.

Как пишет в своей книге Ив Амман: «Отец Серафим скончался в начале 1942 года. Он был тайно похоронен в подземелье. За некоторое время перед этим, предчувствуя свою кончину, в первый раз исповедал Алика, хотя тому еще не было семи лет. [...] Что же касается отца Серафима, то он давно предсказал уже двум сестрам: "За ваши страдания и благодаря вашему воспитанию ваш Алик будет большим человеком". Позже отец Александр выразит беспредельную признательность своей матери и ее сестре за то, что они сохранили пламя веры, открыли ему Евангелие в столь трудные времена, когда вера преследовалась и, казалось, угасала, и когда очень известные христиане не выдерживали – отрекались»¹⁰.

Дело в том, что катакомбная церковь не преследовала политических целей. Я вспоминаю свой разговор с отцом Александром. Всякое неофитство нелепо. Как человек, увидевший другую жизнь, я хотел привести свою внешнюю жизнь в соответствие со своими взглядами. Выражаясь модными словами Солженицына – «жить не по лжи». А работал я тогда уже в *Вопросах философии*, журнале, который казался мало знавшим его команду, абсолютно советской структурой. Я и задал отцу Александру этот вопрос, не уйти ли мне из журнала. На что он ответил вопросом, женат ли я и есть ли у меня дети. Я ответил, что да. «На какие деньги вы будете содержать семью, если уйдете? У вас есть другой вариант работы? Потом я знаю, что там работают очень достойные люди».

И смысл его дальнейших слов был очень прост: на каждом месте можно приносить пользу, а что приходится отдавать кесарю кесарево, так это всегда было. Главное не забывать отдавать Богу Богово. И добавил, что с прекращением су-

⁹ Там же.

¹⁰ Амман И. Александр Мень: Христов свидетель в наше время. М., 1994. С. 44-45.

ществования катакомбной церкви он в РПЦ получил возможность нести свое слово гораздо более широким слоям паствы. Не изменяя своим идеям и идеалам, которые воспитала в нем катакомбная церковь – независимость и верность своему пониманию мира.

Опускаю здесь его публикации на Западе, рассказ об издательстве *Жизнь с Богом*, о том, что отец Александр Мень был одним из зачинателей христианского «самиздата» начиная с 60-х гг., о его псевдонимах, из которых наиболее известен был «Эммануил Светлов». Во всяком случае, под этим именем я читал все его книги. Но он сумел сделать и еще одно дело, которого до него не сделал, мне кажется, никто.

Кормер немного иронически изобразил в романе отца Владимира, «большоголового дородного мужчину лет сорока или даже моложе, похожего на ассирийского царя Ашшурбанипала», как тонкого культуртрегера, интеллигента, который все знает. К которому приходят интеллигенты разного сорта с вопросами о том, что такое Армагеддон и как надо жить в этой стране. На все он дает спокойные и разумные ответы, защищает науку от покушения на нее диких неопитов и т.п. Аверинцев назвал его «миссионером для племени интеллигентов». Но так бывает, что ирония порой высвечивает суть человека, причем не иронически, а выявляя его суть. Сервантес думал посмеяться в своем *Дон Кихоте* над рыцарством, а создал образ идеального рыцаря. Так, назвав отца Александра культуртрегером, Аверинцев дал нам ключ к великому деянию отца Александра.

После книги *Сын человеческий* он обратился к духовной истории человечества. Не только к Ветхому завету, как истоку Нового. Об этом писали многие. Но он сумел написать, не сказать, а написать и проанализировать разные человеческие эпохи как исток новозаветного прорыва человечества.

В обезбоженной, потерявшей благодать стране только сатана Воланд может что-то рассказать о Христе (вспомним роман Михаила Булгакова *Мастер и Маргарита*). Это предел духовного одичания. Чудом сохранившийся Мастер – изгой в этой стране. Отец Александр сумел показать всем, желавшим это узнать, что христианство – это результат тысячелетнего развития человечества. Я бы назвал это подвигом отца Александра. Это то, что семнадцатилетним юношей он задумал, записал в тетрадку, а потом Бог дал ему сил реализовать этот замысел. Кажется, это и правда был духовный подвиг.

Его жизнь и деятельность – это не только урок подвижничества, пастырского служения, бескомпромиссности, но и урок трезвости, реализма. Все мы (особенно духовные лица и моралисты) склонны видеть в божественных книгах свод правил благопристойного поведения на все случаи, но это еще и великое создание, в котором заключена сама жизнь – с ее бедами и пороками. Об этом и писал отец Александр: «Иные – из ложно понятого благочестия – были склонны извлекать из "Книги книг" нечто вроде хунвейбинского цитатника и всеми силами старались обойти "острые углы". А такие углы в Библии есть. Многих, например, может шокировать, что наряду с возвышенным учением пророков и Евангелия в

ней повествуется о войнах, жестокостях, человеческих страстях и пороках. Им хотелось бы иметь разбавленную, обтекаемую Библию. Но тогда она почти не имела бы отношения к реальной жизни с ее муками и радостями, любовью и ненавистью, взлетами и падениями. Кто боится всего этого, тот, пожалуй, и Шекспира должен обходить за версту»¹¹.

Говорят, что религия и идеология антонимы. Я бы не был столь категоричен. В первоначальном смысле, идеология – это всего-навсего сумма идей, поэтому я позволил себе сказать об идеологии катакомбной церкви. Но в последние несколько столетий это понятие приобрело смысл вполне монструозный. Именно этот монстр настораживает. И в этом смысле идеология – это ложное сознание, иллюзия, искаженное отражение социальной действительности, как правило, искаженное в интересах той или иной социальной группы, чаще – власти, которая манипулирует массами. А христианство обращается к конкретному человеку («В доме Отца моего...» и т.д.), ибо в доме христианского Бога есть место каждому. Тем самым мы вроде бы выходим на некое определение. Но ведь бывает и религиозная идеология. Скажем, крестовые походы – это в чистом виде манипуляция массовым сознанием.

И второй момент. Христианство как атрибут государства (так бывало много раз), как атрибут некоего племени приобретает, разумеется, идеологические черты. Русское самодержавие, а потом послевоенный Сталин именно так и старались использовать православие. Для меня пафос работы отца Александра как раз и состоял в преодолении идеологической составляющей православия, в обращении не к толпе, а к каждому. Была такая замечательная книжка Фомы Кемпийского *О подражании Христу*. Именно – подражании, не подмены, нет. Просто надо идти Его путем. А это очень личный путь, когда много званных, но мало избранных.

Почему так не любило отца Александра, как бы помягче сказать, «церковное воинство»? Эти «воины» суть идеологи в самом дурном смысле слова. Фарисеи нашего времени, если не хуже. Они не любили Меня, потому что он преодолел и в проповедях своих, и своем богословии, и в пастырском служении идеологизм, который как тень сопутствует любой религии, даже христианству. Я бы даже осмелился сказать, что антихрист и есть выразитель именно идеологии как ложного сознания, присутствующего и в христианстве как социальном явлении. Для этих идеологов любое отклонение от того, что они считают нормой, – преступление. А тут таких отклонений много было. И еврейство, и то, что этот еврей был лучший православный богослов, был при этом и великий пастырь. Сергей Бычков приводит замечательный разговор о кафоличности отца Александра. Некий похожий вопрос я ему тоже задал, типа, как он относится к католичеству. Он немало снисходительно улыбнулся и ответил: «Нормально. Наши перегородки до Бога не доходят».

¹¹ Протоиерей Мень А. Мир Библии. М., 1990. С. 26.

Его слова о Христе полны не только любви, восхищения, они как бы изнутри показывают нам Спасителя. Как справедливо говорил и писал отец Александр, сила Евангелия, его победа в мире объяснялась не талантами евангелистов, а тем, что они подлинно приняли Его слово и поверили в него. Он писал в своей, на мой взгляд, лучшей книге: «Глубоко человеческим рисуют Христа евангелисты. На глазах Его видели слезы, видели, как Он скорбит, удивляется, радуется, обнимает детей, любуется цветами. Речь Его дышит снисходительностью к слабостям человека, но Своих требований Он никогда не смягчает. Он может говорить с нежной добротой, а может быть строг, даже резок. Подчас в Его словах мелькает горькая ирония ("отцеживают комара и проглатывают верблюда"). Обычно кроткий и терпеливый, Иисус беспощаден к ханжам; Он изгоняет из храма торговцев, клеймит Ирода Антипу и законников, упрекает в маловерии учеников. Он спокоен и сдержан, порой же бывает охвачен священным гневом. Тем не менее внутренний разлад чужд Ему. Иисус всегда остается Самим Собой. За исключением нескольких трагических моментов, ясность духа никогда не покидает Христа. Находясь в гуще жизни, Он одновременно как бы пребывает в ином мире, в единении с Отцом. Близкие люди видели в Нем Человека, Который желает лишь одного: "творить волю Пославшего Его". [...] Писателям никогда не удавалось создать убедительный образ героя, если портрет его не оттенялся недостатками. Исключения составляют евангелисты, и не потому, что были непревзойденными мастерами слова, а потому, что они изображали непревзойденную Личность»¹².

Можно, если позволить себе некоторый пафос, назвать и отца Александра современным евангелистом. Как можно понять из воспоминаний его близких людей, он писал книгу о Христе десятилетия. И она с невероятной силой действовала на своих читателей. Сошлюсь на слова Зои Масленниковой: «В одичавшей от духовного невежества и отлученной от своих религиозных истоков стране она воспринималась как поток живительной истины и побуждала сотни и тысячи людей брать в руки Евангелие и открывать для себя Бога Живого»¹³.

Если говорить об отношении отца Александра к диссидентству, то не надо забывать, что он многих диссидентов крестил, был их духовным отцом, но в политику не шел, понимая, что его противостояние Советской власти более фундаментально. Ибо в советское время почти любой инакомыслящий был диссидент. В том числе и отец Александр, печатавший свои труды за рубежом.

Но все же картина была бы не полная, если не сказать о его пастырском служении. И этот рассказ не может быть рассуждением вообще. Только через конкретные судьбы высвечивается работа пастыря. Я позволю себе остановиться на истории моего очень близкого приятеля, с которым, как было сказано когда-то, «делил пополам судьбу». Его любимый сын в пубертатном возрасте перестал

¹² Протоиерей Мень А. История религии: в поисках пути, истины и жизни. Т. VII. Сын человеческий М., 1992. С. 59-60.

¹³ Масленникова З.А. К истории книги о. Александра Меня «Сын Человеческий» // «AEQUINOX». Сборник памяти о. Александра Меня. М., 1991. С. 179.

воспринимать родителей как людей заслуживающих уважения. Он стал хиппи. Отец же работал в «советском» философском учреждении, получал «советские» деньги (будто были здесь другие). Сын про учебу и слышать не хотел. Все разговоры отца о необходимости учиться воспринимались лишь как попреки. И вдруг мой приятель услышал от сына одну неожиданную вещь, что только один приличный человек есть в наших окрестностях – отец Александр Мень. Как уж слух об отце Александре дошел до хиппозных компаний, объяснить не берусь. Но для него это был шанс. И он спросил: «А хочешь, я тебя отвезу к отцу Александру?». Сын ошалело посмотрел на отца: «А ты что, знаешь его что ли?». Мой приятель был для него уже ниже плинтуса, а тут вдруг из-под плинтуса поднялась его голова.

Итак, они по Ярославской дороге доехали до станции Пушкино, отсюда надо было проехать одну остановку до Новой Деревни. Но можно было и пешком. Они пошли пешком. Сын спросил: «А он будет со мной говорить? Или я только буду присутствовать при вашем разговоре? Тогда я не хочу». Приятель примиряюще сказал: «Думаю, что ты будешь равноправным собеседником». Пришли они в церковь к окончанию службы и вперед пробираться не стали. Но отец Александр, уже сходя с амвона, заметил моего приятеля, кивнул ему, но продолжал отвечать на вопросы прихожан. Потом подошел, благословил моего приятеля и повел их в свой домик рядом с церковью, предложив выпить чаю. Сын шел, на лице его было написано, что он понимает важность происходящего и с кем он идет. Скорее всего, вообразил, как будет рассказывать приятелям, что пил чай с САМИМ Александром Менем, ради этого готовясь терпеть скуку взрослых разговоров. В то, что с ним будут говорить как с самостоятельной личностью, он вдруг разуверился.

Они вошли в комнату, где на стенах висели портреты, в углу икона, горела лампадка. Отец Александр ушел хлопотать по чаевному делу, достал чашки, блюдца, деревянное блюдо с пряниками, сахарницу. «Ну что, по глотку чаю? А потом я хотел бы поговорить с молодым человеком. Но наедине... Папа не возражает?». Мой приятель кивнул: «Конечно, не возражаю». Они выпили по чашке чая, и мой приятель вышел на улицу, прихватив недоеденный пряник. Потом, как говорил, пожалел, что не взял больше. Ходить пришлось долго. «Казалось, что больше часа хожу, но вряд ли. Однако не меньше минут сорока», – говорил приятель. Вдруг выглянул из домика сын, помахал ему приглашающе рукой, лицо прямо светилось. Похоже, что разговор получился более чем удачным.

Приятель вошел, и отец Александр сказал: «А теперь мне надо пару слов сказать твоему отцом. Не возражаешь?» Сын вышел беспрекословно, к чему мой приятель не привык. Потом, когда за ним закрылась дверь, он спросил отца Александра: «Спасибо, отец Александр. Он уже немного изменился. Вы собираетесь его крестить?». Мень усмехнулся: «Разве в это дело? И Сталин, и Гитлер были крещенные.... А что толку! Нет, здесь надо другое». «А что?» Приятель удивился, но потом с каким-то придыханием повторял слова отца Александра,

который произнес: «Я беру его на себя!» Приятель, рассказывая, говорил: «Ты понимаешь? Он это сказал, как о само собой разумеющемся. А ведь сколько внутренних сил надо иметь, чтобы такое сказать!» А Мень добавил: «Он будет ко мне ездить раз в неделю, будем заниматься. Он у вас хороший.» Они пошли к поезду. Мой приятель попытался задавать какие-то вопросы. Но сын неожиданно мягко ответил: «Папа не надо. Не надо об этом говорить.»

Прошло время, рассказывал приятель, перемены начались далеко не сразу. Поначалу уменьшились нашествия хиппи в квартиру, потом стали появляться религиозно-философские книги. У моего приятеля они были, но тут важно, что это были находки сына. А через полгода сын вдруг сказал, что его можно поздравить, что его сегодня утром отец Александр крестил, что это как ход к новой жизни. У приятеля была фотография рядом с отцом Александром. Сын повесил ее в рамке на стенку, написав: «Отцы». То есть один земной, другой духовный. Потом приятель ушел из семьи, женился второй раз. С сыном отношения стали сложными, но 9 сентября сын вечером позвонил ему из Семхоза: «Папа, сделай что-нибудь. Сегодня кто-то убил отца Александра. Все его ученики здесь». Приятель позвонил друзьям в «Мемориал», но что мог тут сделать «Мемориал»!

В жизни протоиерея Меня невероятно не только пастырское служение, но и сила творческого горения. Он написал столько, сколько под силу только многим людям. Почти университет... Отец Александр и должен был стать ректором Православного университета, то есть получить некую власть. Интеллектуально с ним бороться стало бы много труднее. Проще было устранить. Вполне в традициях российской власти.